

УДК 811.161.1'37

Пискунова С.В.*Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина***Швецова В.М.***Мичуринский государственный аграрный университет***ВЕЛЛЕРОВСКИЙ ТЕКСТ КАК ИСТОЧНИК ГОЛОГРАФИЧЕСКОГО
МОДЕЛИРОВАНИЯ СЕМАНТИКИ СЛОВА**

Аннотация. В статье раскрывается проблема текстовой и эстетической трансформации языка. Авторы изучают особенности развития семантики слова в тексте М.И. Веллера. Устанавливается особый способ формирования семантического потенциала единиц языка и текста – голографическое моделирование, определяются природа и условия его реализации. Проведя анализ материала, авторы пришли к заключению, что в веллеровском тексте голографическое моделирование реализуется на базе содержательно-смысловых ресурсов его единиц, развитие которых приводит к трансформации пространства текста. *Ключевые слова:* авторский текст, голографическое моделирование, голограмма, стимуляторы, текстовая семантика слова, ассоциативная доминанта конкретного текста, альтернативный текст.

S. Piskunova*Derzhavin Tambov State University***V. Shvetsova***Michurinsk State Agrarian University***VELLER'S TEXT AS THE SOURCE OF HOLOGRAPHIC MODELLING
OF THE WORD SEMANTICS**

Abstract. The article focuses on the problem of text and aesthetic transformation of a language. Researchers study peculiarities of development of the word semantics in M. Veller's text. Holographic modelling is established as a special way of formation of the semantic potential of the language units and the text. Researchers study conditions of the realization of the holographic modelling of the text. Researchers have come to the conclusion that Veller's text holographic modelling is based on the substantial-semantic resources of the language units. The development of language units leads to the transformation of the text space.

Keywords: author's text, holographic modelling, hologram, stimulators, text semantics of a word, associative dominant of the text, alternative text.

В лингвистике понятие «персональный (именной) текст» в отношении творческого наследия мастеров художественного слова реализуется достаточно активно: пушкинский текст – Б. Гаспаров [4]; гоголевский текст – К. Уразаева [8]; замятинский текст – Е. Алтабаева [1] и др. В качестве определяющего факто-

ра выступает не только широкая известность, значимость имени и творчества того или иного писателя и поэта в масштабном литературном интертексте, но цельность их представленности в коммуникативном пространстве при сохранении единого художественного кода и языковой индивидуальности.

Под авторским текстом подразумевается не только одно конкретное произведение, но и их совокупность как единый текст в творческом мире автора, а также целостной национальной культуры или конкретного исторического времени и литературного наследия. К числу таких современных коммуникативно значимых явлений следует отнести творчество М. Веллера, то есть веллеровский текст. Он представляет собой не только уникальный симбиоз живого языка и неповторимых образов, отражающих современную реальность, гражданскую авторскую позицию, но и особую индивидуальную информационную функцию.

Под языковым моделированием следует понимать процесс обогащения языка путём актуализации единиц текста уже функционирующих в системе, а также авторских образований. Данный процесс одновременно выступает в качестве определения способов языкового развития системы, функциональных возможностей коммуникации.

Семантическое развитие слова в тексте осуществляется следующим образом: на первом этапе единица языка, попадая в текст, актуализирует своё основное содержание; на втором этапе реализуется система её потенциальных ресурсов, на базе которых чаще всего трансформируется смысловое

поле текста. Этот процесс приводит к семантическому развитию не только слова, но и самого текста, что в дальнейшем способствует выработке текстовой модели конкретного произведения, а также определению его места в авторской системе текстов [7].

Читатель обращает своё внимание на подобную модель слова и текста, что приводит к ускорению восприятия и порождению новой информации. Происходит активизация мышления методом сравнения, которое выражается в следующем: значение слова, известное читателю, сопоставляется с тем, что реализовано в тексте. Автоматизм прочтения нарушается, то есть осуществляется процесс семантического моделирования слова в тексте, которое возникает также при определённых условиях ассоциативной близости семантических полей. Вступая в отношения между собой, лексические компоненты раскрывают, дополняют, конкретизируют и тем самым моделируют новое значение одной единицы в тексте. В этом случае «целое предложение или текст способны трансформироваться в слово, которое может обладать информацией целого текста» [7, с. 89]. Данная единица «имеет голографическую природу» [9, с. 205]. Репрезентируемое ею значение трёхмерно. Оно развивается на лексическом, понятийном и ассоциативном уровнях. Развитие значения голограммы осуществляется при участии ассоциативных ресурсов. Кроме того каждый её компонент «отображает практически всё смысловое поле текста, вбирая и систематизируя значение сразу нескольких единиц, реализованных в нём» [9, с.206]. Следовательно, сам процесс семантического развития по-

добного слова в тексте определяется как голографическое моделирование.

Единицы-стимуляторы, актуализирующие значение голограммы, «обладают информационным потенциалом, который может послужить источником как их развития, так и развития других единиц» [9, с. 205].

Голографическое моделирование семантики слова в веллеровском тексте реализуется в несколько этапов. На первом этапе система общих аналогий (ассоциаций, провоцирующих развитие ассоциативных значений единиц текста) характеризуется большей степенью смысловой спаянности. На втором этапе их ассоциативные возможности значительно расширяются. Именно на этой основе формируется альтернативный текст, имеющий ассоциативную природу. Происходит взаимодействие процессов, характерных для общей системы текстообразования и индивидуального творчества.

Альтернативный текст представляет собой концентрированное слово-текст, состоящее из ассоциативных доминант конкретного текста. В свою очередь, под ассоциативными доминантами текста понимаем различные виды ассоциативных значений стимуляторов. Они обладают высокой информационной содержательно-смысловой нагрузкой.

Рассмотрим случаи голографического моделирования семантики слова в веллеровском тексте.

Никакой литературно-журнально-публицистической подёщиной я не зарабатывал ни копейки. Это была фальшь, продажа себя, размен на пятаки, снижение планки, замусоливание слуха, порча рук. Презренье! [2, с. 216]

В данном тексте развивается семантика индивидуально-авторской

конструкции *литературно-журнально-публицистическая подёщиная*. Первоначально значение формируется за счёт системы внутренних лексико-семантических ресурсов:

ср.: *подёщиная* – «работа или промысел подёщика, взятый посуточно, а не на отряд» [5, с. 172]; «подённая работа» [6, с. 433]. Репрезентируется значение «вид заработка»;

ср.: *литературно-журнально-публицистический* – «определяющий функциональную (или жанровую) структуру произведения, а также стилистическую принадлежность».

На базе системы собственных ресурсов у индивидуально-авторской конструкции *литературно-журнально-публицистическая подёщиная* формируется следующая семантика: «оплачиваемая творческая писательская работа, имеющая случайный или обыденный характер».

Единицы текста – стимуляторы *я не зарабатывал ни копейки, фальшь, продажа себя, размен на пятаки, снижение планки, замусоливание слуха, порча рук, презренье*, актуализирующие содержание голограммы, – кардинально трансформируют её семантическое поле и моделируют семантику всего произведения. При этом развиваются различные по степени сложности эмоционально-экспрессивные оценки. С одной стороны, утверждается положительно окрашенная семантика составной её части в сочетании *литературно-журнально-публицистический* при участии в нём единицы с актуализирующим значением *я не зарабатывал ни копейки*: судьба человека, занимающегося литературной деятельностью, не должна быть связана с достижением материального достатка. Его цель –

духовное, нравственное обогащение общества, то есть актуализируется значение: «истинно благой, глубоко нравственный»?

С другой стороны, развивается отрицательная семантика у слова *подёщица* в процессе её взаимодействия со следующими стимуляторами: *подёщица – фальшь* (то есть «преднамеренный обман, подделка оригинала»); *подёщица – продажа себя* (то есть «добровольное (духовное в данном случае) рабство»); *подёщица – размен на пятаки* (то есть «осознанная замена важных личных замыслов на более мелкие в духовном и нравственном плане»); *подёщица – снижение планки, замусоливание слуха* (то есть «переход на более низкий, потребительский уровень, например, в творчестве»); *подёщица – порча рук* (то есть «дурное, плохое занятие, оскверняющее самого деятеля»); *подёщица – презренье* (то есть «чувство пренебрежения, возникающее в отношении производителя действия или его работы»). Становится очевидным, что в этом случае актуализируется значение: «занятие или род деятельности, унижающее человека».

Проанализированные выше факты позволяют сделать вывод о том, что при участии стимуляторов в семантической индивидуально-авторской конструкции *литературно-журнально-публицистическая подёщица* возникают оппозиционные отношения: (истинно благой, глубоко нравственный) – (занятие или род деятельности, унижающее человека). Снять данное противоречие и смоделировать расширенное в условиях текста значение невозможно без привлечения ассоциативных возможностей (полей) всех его

единиц. Тем более, что смысловое поле текста также построено на противоречии: (художник-творец) – (подёщица). М. Веллер сам называет подобный труд столь не пристойно – *Никакой литературно-журнально-публицистической подёщицей я не зарабатывал ни копейки*. Следовательно, художник-творец создаёт свои произведения на годы, века; работа подёщика исчисляется днём. Литературный труд как вид искусства не может быть ориентирован на однократную востребованность. Его предназначение заключается в духовном развитии человека на протяжении всей его жизни. Творец не должен быть подёщиком в искусстве.

В данной ситуации процесс текстового моделирования семантики индивидуально-авторской конструкции *литературно-журнально-публицистическая подёщица* осуществляется в несколько этапов. Вначале активизируется семантика каждого стимулятора. Затем формируется базовое значение индивидуально-авторской конструкции: *литературно-журнально-публицистическая подёщица* – «недостойный в материальном плане для профессионального литератора (художника) вид творческого заработка» [значение 1] (через стимулятор *не зарабатывал ни копейки*); «подделка, обман читателя» [значение 2] (через стимулятор *фальшь*); «отказ от собственной авторской позиции в угоду кому-то, унижение собственного “я”» [значение 3] (через стимулятор *продажа себя*); это «утрата своего творческого потенциала по пустякам» [значение 4] (через стимулятор *размен на пятаки*); «потеря профессиональных качеств» [значение 5] (через стимулятор *снижение планки*); «постепенная

утрата остроты слова, свойственной для писателя» [значение 6] (через стимулятор *замусоливание слуха*); «непристойное, непотребное занятие» [значение 7] (через стимулятор *порча рук*); «недостойный внимания и уважения читателя писательский труд» [значение 8] (через стимулятор *презренье!*).

Очевидно, что на первом плане репрезентируется следующая семантика: «недостойная, непристойная по каким-то причинам творческая работа для художника-творца».

В исследуемом тексте устанавливается ассоциативная связь между общеизвестной лексемой *литературица* и словом, повторяющим его словообразовательную модель (ср.: *литературица* – «дурной художественный вкус, выражающийся в вычурности стиля, отсутствии простоты в языке, в изложении» [6, с. 263]. В исследуемом тексте ассоциации устанавливаются на основе внутрисловных реакций в опоре на морфемные компоненты слов через опознание словообразовательной модели. Сохраняется значение «отрицательно оцениваемое свойство», репрезентантом которого является суффикс *-щин(а)*. Данная морфема достигает наибольшей экспрессивной силы и продуктивности в отвлечённых существительных, которые называют характерные для определённой эпохи общественно-бытовые явления, идейные течения с отрицательной окраской (ср. *уголовщина, обломовщина* и пр.). Как отмечает В.В. Виноградов, «соответствующие слова производятся очень часто от имён лиц, деятельность которых служит характерным признаком эпохи, режима, общественных явлений, идейных направлений или выражает их сущность» [3, с. 122]. Зна-

чение слова *подёница* расширяется за счёт ассоциативных представлений: «труд без любви к делу, без знания, недостойное занятие».

На следующем этапе система ассоциативных аналогий, вызванных взаимодействием стимуляторов (они выделены курсивом), организует *альтернативный текст*, в границах которого завершается процесс развития исследуемой индивидуально-авторской конструкции (в скобках указаны номера реализованных в смысловом поле значений, которые вызвали данную ассоциацию): *литературно-журнально-публицистическая подёница* представляет собой *недостойную, непристойную по каким-то причинам творческую работу для художника*, потому что *это случайный заработок* (1), *халтура в виде литературного произведения* (2), *созданная в угоду власти* (3), *отражающая её идеологические интересы* (4) и *не приносящая внутреннего удовлетворения её автору* (5; 6; 7; 8).

На базе данного альтернативного текста формируется следующее значение индивидуально-авторской конструкции *литературно-журнально-публицистическая подёница*: все виды пропагандистской идеологической литературы в тоталитарном обществе.

Это была неофициальная культура. Внеофициальная. Неподцензурная. Внеидеологическая. По своей охоте. Для людей [2, с. 98].

Значение конструкции *неофициальная культура* определяется как «система незначимых достижений народа, не принимаемая существующей властью; не соблюдающая всех необходимых формальностей». Текстовая семанти-

ка исследуемой единицы расширяется следующим образом. На первом этапе активизируются её семантические ресурсы, то есть развивается базовое значение индивидуально-авторской конструкции: это система ценностей, *находящаяся за границей признанного официальной властью, политикой* (1) (через стимулятор *внеофициальная*), *не подлежащая цензуре* (2) (через *не подцензурная*), *неподвластная идеологии, официальной идее* (3) (через стимулятор *внеидеологическая*. По своей охоте). *Она для всех и для каждого в отдельности* (4) (через стимулятор *для людей*).

Несколько стимуляторов в своём составе имеют префикс с отрицательным значением (*внеофициальная; неподцензурная; внеидеологическая*). Поскольку они формируют актуализированное значение индивидуально-авторской конструкции *неофициальная культура*, то, возможно, подобная семантика может реализоваться в её информационном поле. Однако это противоречие снимается при участии другого стимулятора *для людей*, моделирующего иное пространство, то есть «для каждого человека». Следовательно, происходит подмена понятия, которая устраняется в тексте при актуализации значения индивидуально-авторской конструкции *неофициальная культура*, то есть как «официальная для народа, почитаемая им».

На втором этапе процесса развития текстового значения голограммы данное семантическое направление поддерживается и развивается системой ассоциативных аналогий, вызванных взаимодействием стимуляторов (они выделены курсивом). Организуется *альтернативный текст*, в границах

которого завершается процесс развития голограммы *неофициальная культура* (в скобках указаны номера реализованных в смысловом поле значений, которые вызвали данную ассоциацию): в стране с тоталитарным режимом в сознании *свободного человека* формируется *другая культура* (1), которая *не зависит от власти* (2), *цензуры и идеологии государства* (3). *Она для всех* (4), а не для правящей горстки людей, значит, именно её следует считать официальной.

В информационном поле текста формируется вопрос: для кого же тогда официальная культура? В тексте М. Веллера развиваются оппозиционные отношения, которые нейтрализуются с помощью стимуляторов: (*официальная культура*) – (*неофициальная культура*).

Очевидно, происходит подмена понятия, которая устраняется в тексте при актуализации голограммы *неофициальная культура*, то есть неофициальная культура в данных условиях является официальной.

На базе данного альтернативного текста формируется следующее значение исследуемой индивидуально-авторской конструкции: «система ценностей, взглядов, оценок общества и пр., отражающая условия конкретного исторического периода и связанная не только с внешней, но и внутренней стороной жизни конкретного общества; существующая в сознании людей культура, сформировавшаяся на основах христианских традиций, имеющая древние исторические корни, которая не признаётся существующей тоталитарной властью, потому что не поддерживает её хищнические интересы».

Таким образом, веллеровский текст характеризуется значительным ас-

социативным потенциалом. Это позволяет его единицам получать собственное семантическое развитие. Веллеровский текст представляет собой уникальный в лингвистическом и содержательно-смысловом отношении современный компонент коммуникативного речевого пространства. Он формируется на основе общности «своего», авторского и «чужого» языковой системы и текстов. «Чужой» текст, сформировавшийся на основе единого кода, единиц системы, – это текст, скрытый, формально не выраженный, реализующийся в сознании читателя на базе вербализованных ассоциаций, которые и провоцируют развитие модели текстовой семантики слова, способствующей дальнейшему развитию языкового творчества, языковой культуры и целостной картины мира национальной культуры.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алтабаева Е.В. Замятинский текст как лингвокультурный феномен // Вестник Нижегородского университета им. Н. Лобачевского. 2011. № 6 (2). С. 27-30.
2. Веллер М.И. Мое дело. М.: АСТ, 2007. 350 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). Изд. 3-е. М.: Высшая школа, 1986. 640 с.
4. Гаспаров Б. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: НЛЮ, 1996. 352 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4т. Т. 3: П. М.: Рус. яз. – Медиа, 2003. 688 с.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка: около 57 000 слов / под ред. М.Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1988. 750 с.
7. Пискунова С.В. Тайны поэтической речи (грамматическая форма и содержание текста). Монография. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. 408 с.
8. Уразаева К. Гоголевский текст как концепция чтения // Вестник Карагандинского государственного университета, 2010. № 4. С. 49-56.
9. Швецова В.М. Лексико-ассоциативные ресурсы текстовых единиц // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 «Языкознание». Волгоград. Вып. 1 (11). С. 205 – 210.